

На данную проблему обращено внимание как отечественных ученых, так и представителей правоприменительной деятельности. Более того, необходимость развития мер, направленных на обеспечение прав и законных интересов потерпевших, признана на государственном уровне, что закреплено в Концепции защиты жертв преступной деятельности, утвержденной постановлением Совета Министров от 20 января 2006 г. № 74. Но при этом некоторые положения данной Концепции до настоящего времени так и не реализованы.

Не вызывает сомнения, что комплексное изучение социальных, нравственных, психологических и иных характеристик потерпевших, а равно выявление роли потерпевшего в механизме преступного поведения виновного лица, анализ поведения потерпевшего после совершения в отношении его преступления имеет существенное значение как для правильной квалификации содеянного, проведения объективного расследования, организации возмещения ущерба и заглаживания вреда, так и недопущения новых преступлений. Действительно, без учета поведения и личности потерпевшего подчас сложно определить, почему в одних случаях противоправное поведение правонарушителя заканчивается преступлением, а в иных потенциальной жертве удается воспрепятствовать преступному замыслу.

Изложенное свидетельствует о том, что накопление информации, касающейся потерпевших от преступлений, является одной из актуальных задач. Ее решение частично было достигнуто посредством разработки и внедрения в правоприменительную деятельность регистрационной карточки единой государственной системы регистрации и учета правонарушений формы 1-П, в которой фиксируются данные о потерпевшем. Однако сведения, вносимые в такую карточку, формализованы, что не позволяет получать комплексной информации о потерпевшем (в том числе обратной связи от потерпевшего). В частности, имеется в виду, что необходимо учитывать мнение самого потерпевшего о причинах произошедшего; выяснять его психологическую готовность взаимодействовать с органом, ведущим уголовный процесс, либо обстоятельства, препятствующие такому сотрудничеству; реагировать на потребности потерпевшего в организационно-правовом сопровождении в ходе уголовного судопроизводства для более действенного восстановления социальной справедливости и иное.

Актуальность данной темы подтверждается и ростом латентных преступлений в случае игнорирования прав и законных интересов потерпевших, а также участвовавшими случаями уклонения потерпевших от явки в орган, ведущий уголовный процесс, что влечет усложнение работы правоохранительных органов и указывает на недостаточность проводимых мероприятий. Очевидно, что потерпевшие, для которых совершенное деяние нарушило привычный порядок жизнедеятельности, требует сил, времени, иных затрат и действий для восстановления нарушенных отношений, заслуживают определенной помощи и поддержки. Особенно это значимо в случае совершения в отношении лица преступления насильственной направленности.

В связи с этим полагаем, что эффективное решение вопроса об аккумулировании информации о потерпевших от преступлений, способах взаимодействия с данными лицами и выработке мер противодействия преступности возможно посредством создания органа, прямое функциональное назначение которого связано с работой с потерпевшими.

Приоритетность подобной практики подтверждается международно-правовыми рекомендациями и опытом зарубежных стран. Примерно с 80-х гг. XX в. на международном уровне изменился подход к регламентации правового положения жертв преступлений. Принятием ряда международных деклараций, конвенций, резолюций и других актов была признана необходимость учета в ходе правосудия законных интересов потерпевших, расширения их прав, создания правовых механизмов восстановления нарушенных отношений. В целях реализации международно-правовых рекомендаций в ряде стран были приняты специальные законы, улучшающие правовое положение потерпевших.

Например, США на федеральном уровне и уровне штатов предприняли ряд мер, направленных на улучшение положения потерпевших. Одним из первых был принят Закон «О защите потерпевших и свидетелей», вступивший в силу в 1984 г. и ставший частью Свода законов США. Данным Законом предусмотрено закрепление при прокуратуре специалистов, оказывающих поддержку потерпевшим и координацию их взаимодействия с иными службами. Аналогично в Великобритании функционирует Национальная ассоциация поддержки жертв, во Франции – Национальный институт помощи жертвам преступлений, в Нидерландах действует Национальная организация поддержки жертв и т. д.

С учетом приведенных примеров представляется, что в Республике Беларусь на государственном уровне также целесообразно решить вопрос о создании специальной службы (бюро, офис) по работе с потерпевшими. Основное функциональное назначение такой организации видится в оказании организационной и правовой помощи потерпевшим, координации их взаимодействия с учреждениями, оказывающими медицинскую, социальную, психологическую помощь, накоплении эмпирических сведений о потерпевших для развития виктимологических исследований и совершенствования системы профилактики преступлений.

УДК 343.9

Ю.И. Панин

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП

Участники организованных преступных структур в большинстве случаев обладают чертами и свойствами личности профессиональных преступников. Это вытекает из такого признака организованной преступности, как постоянный или систематический характер и специализация соответствующей деятельности.

Так, овладение необходимыми знаниями, навыками, умениями для участия в деятельности организованных преступных структур обязательно предполагает усвоение не только «технологии» исполняемых функций, но и ее идеологии и психологии: норм иерархизированного поведения, общения; норм дисциплины в сообществе; ценностной ориентации; систем распознавания «свой – чужой» и других элементов преступной субкультуры.

Вместе с тем единой характеристики личности участника организованной преступности не существует. Ее дифференциация связана со спецификой мотивации вхождения в организованную структуру, степенью устойчивости и масштабом деятельности организованной преступной группы (сообщества), направлением и содержанием преступного бизнеса, ролевой функцией, прошлым жизненным и криминальным опытом.

Однако наличие профессионализма преступной деятельности как типичного личностного качества участников организованной преступной деятельности нельзя рассматривать в качестве доказательства идентичности понятий организованной и профессиональной преступности. Профессиональный преступник может действовать и вне организованных преступных структур (карманные воры, мошенники и т. д.).

В то же время большинство участников организованных преступных структур – профессионалы (или приобретающие профессионализм) как в плане наличия соответствующих знаний, навыков, умений, стереотипов поведения и орудий «преступного ремесла», так и в плане преобладания доходов от преступной деятельности над легальными доходами. Иными словами, участник организованной преступности – почти всегда профессионал или будущий профессионал; но профессиональный преступник далеко не всегда входит в организованные преступные структуры.

Для всех лидеров-преступников характерна: авторитарность, жестокость, готовность идти на все ради достижения цели; наличие организационных способностей, умения подчинить себе других, уверенности в собственном превосходстве, мотивации господства и корысти-обогащения; отсутствие способности к сопереживанию; свойственно отношение к людям как к орудиям для достижения цели.

Тенденция слияния общеуголовных организованных структур и структур, действующих в сфере экономики, приводит к созданию смешанных групп (сообществ), лидерами которых могут быть лица с любой из названных характеристик. При этом надо иметь в виду, что лидеры вымогательских гангстерских структур настойчиво внедряются в сферу легального бизнеса.

В таких случаях происходит мимикрия под предпринимателей или общественных деятелей. В то же время сохраняется общий контроль за преступными структурами, действующими на соответствующей территории или в сфере преступного бизнеса с получением доли в их «прибыли». Возникают и многоступенчатые «конструкции», лидерами которых становятся должностные лица и предприниматели, а для устранения конкурентов в легальном бизнесе ими используются (через посредников) гангстеры.

При этом лидеры обретают личностные черты безжалостности и инструментальной жестокости, но в то же время сохраняют неспособность к непосредственному насилию. Часто их называют «убийцами за письменным столом».

Для этой категории лиц (специалисты в различных областях профессиональных знаний (изготовление и ремонт оружия, взрывных устройств, техники связи, транспортных средств, компьютерных технологий, биохимии и фармакологии и т. п.)), так же как и для лидеров экономической организованной преступности, характерно внешнее следование нормам межличностного общения, принятым в правопослушной среде.

Рядовые участники преступных групп и сообществ – боевики, охрана лидеров, лица, осуществляющие разведывательные и контрразведывательные функции, исполнение конкретных преступлений и сокрытие следов и т. д. Особенностью рядовых участников организованных преступных структур является четко выраженная престижно-потребительская ориентация, доведенная до автоматизма послушность указаниям руководителя.

Достаточно распространенными чертами личности участников организованной преступности являются: осознанное стремление к подчинению лидерам в сочетании со стремлением доминировать нижестоящими участниками преступной иерархии; завышенная самооценка, сочетающаяся с отчужденностью и даже презрением по отношению к окружающим, «не допущенным» в их среду; своеобразное честолюбие, приводящее как к внутригрупповым конфликтам (борьба за лидерство или приближенность к лидеру), так и к конфликтам между группами (сообществами) за гегемонию определенной территории или в определенной сфере.

В последние годы обострилась борьба за лидерство в среде организованных преступников общеуголовной и смешанной направленности между традиционной преступной элитой – «ворами в законе» и новым поколением лидеров, не желающим беспрекословно повиноваться «ворам в законе», а опирающимся на сформированные ими территориальные или этнические кланы.

Если образ поведения членов сообщества «воров в законе» во многом определяется организующей ролью иерархических норм, навязываемых ими всей преступной среде, то новые «авторитеты» часто не считаются с этими требованиями, что приводит к вооруженным «разборкам». В результате этих столкновений контингент старых «воров в законе» (на территории России насчитывается около 400 человек) несет значительные потери, а некоторые из них вынуждены даже эмигрировать. Однако во многих случаях старые и новые лидеры организованной преступности находят способы сосуществования.

УДК 343.622

Е.А. Петранис

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ В УСЛОВИЯХ ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕЙ СИТУАЦИИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 140 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. впервые выделил убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140) как самостоятельный привилегированный состав преступления. Считаем это вполне обоснованным, так как при назначении наказания учитывается психическое состояние женщины во время родов или непосредственно после них. Однако в теории уголовного права решение этого вопроса является спорным и вызывающим постоянную дискуссию.